

УДК 327.88

DOI: 10.17223/1998863X/50/18

П.Я. Фельдман, А.В. Федакин, Д.А. Ежов

ТЕХНОЛОГИИ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ВЫБОРЫ: НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В ПОИСКАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Предлагается переосмыслить правомерность использования формулировок «вмешательство в выборы» и «электоральное вмешательство» в научном дискурсе. При этом авторы указывают на семантическую нетождественность понятий «вмешательство» и «влияние» применительно к институту выборов. Первое обозначает силовую форму давления на избирательную систему, а второе символизирует мягкое информационно-мотивационное воздействие иностранных субъектов на поведенческие установки и электоральные предпочтения граждан.

Ключевые слова: «мягкая сила», выборы, вмешательство в выборы, электоральное вмешательство, влияние на выборы, электоральное поведение.

Современный этап развития политической науки в России и зарубежных странах характеризуется повышенным вниманием научно-экспертного сообщества к проблеме нарастающей геополитической конфронтации и отдельным ее проявлениям. В рамках данной предметной области особое место занимают политико-манипулятивные инструменты и технологии, применяемые для «размывания» или «подрыва» государственного суверенитета противников. Невозможность устранения противоречий между ведущими мировыми игроками военным путем способствует постепенной «гибридизации» глобального противоборства сверхдержав и их сателлитов. В целях взаимного сдерживания активно используются разного рода санкции, информационные выпады, шантаж, а также внешняя интервенция во внутривнутриполитические процессы. Гипотетически кратчайший путь к установлению иностранного протектората над тем или иным государством может пролегать через влияние на избирательный процесс. Оно заключается в том, чтобы способствовать приходу к власти политических сил, управляемых и контролируемых извне. В теории «электоральная интервенция» представляется одним из наиболее эффективных инструментов глобального доминирования, однако на практике реальность ее осуществления вызывает определенные сомнения. Тем не менее это нисколько не мешает ведущим мировым державам активнейшим образом обвинять друг друга во «вмешательстве в референдумы и выборы» по всему миру. В этой связи представляется необходимым разобраться в сути подобных обвинений и оценить степень их обоснованности.

Начало массовой информационной кампании, посвященной зарубежному воздействию на внутренние электоральные процессы, положило нашумевшее дело о так называемом «российском вмешательстве» в выборы Президента Соединенных Штатов 2016 г. Тот факт, что США выдвинули подобные обвинения в адрес Российской Федерации, выглядит несколько парадоксальным в силу ряда причин. Во-первых, формирование однополярного

мира в начале XXI в. стало возможным благодаря американскому вмешательству в экономическую и военно-политическую жизнь целого ряда некогда суверенных держав. Кроме того, один из идеологов геополитического доминирования США Ф. Фукуяма открыто указывает на необходимость внешнего американского управления внутренней политикой «слабых» государств, идущих по пути демократического транзита. С. Манн, Д. Шарп [1, 2] и другие западные авторы разработали и предложили к внедрению конкретные стратегии подобного внешнего управления. Во-вторых, гипотетическое допущение иностранного вмешательства в президентские выборы в США заставляет усомниться в незыблемости американского политического суверенитета и эффективности функционирования специальных структур, призванных обеспечивать его защиту. Американская избирательная система на этом фоне выглядит уязвимой, слабой и неустойчивой. Наконец, образ России, самостоятельно предопределяющей исход электоральных кампаний в Соединенных Штатах, не коррелирует с имиджем «региональной державы», который приписывался ей Б. Обамой и некоторыми европейскими политиками 3–4 года назад [3].

Тем не менее нельзя не признать, что в западном общественно-политическом дискурсе близкие по смыслу понятия «interference», «meddling» и «intervention» используются применительно к институту выборов в прочной ассоциативной связке с Россией. Этот парадоксальный, на первый взгляд факт находит зримое эмпирическое подтверждение: при вводе в систему Google поискового запроса с использованием перечисленных нами ключевых слов отображается перечень материалов, посвященных исключительно российскому внешнему влиянию на исход зарубежных референдумов и выборов. Исследование наиболее популярных поисковых интернет-запросов по словосочетанию «Russian meddling» свидетельствует о том, что пользователи со всего мира наиболее часто ищут информацию о вмешательстве России в выборы президента Соединенных Штатов 2016 г., референдум по Brexit, а также во внутренние политические проблемы Черногории, Косово, Сирии и т.д. Вполне закономерно, что подобные подозрения, нередко переходящие в откровенные инсинуации, провоцируют ответный антагонизм со стороны отечественных авторов и представителей политической элиты РФ. В конечном итоге, с нашей точки зрения, существует два альтернативных пути отражения обвинений, выдвигаемых против России.

1. Продолжать настаивать на непричастности РФ к инкриминируемым ей актам вмешательства (данный путь с высокой долей вероятности может оказаться малоэффективным, поскольку любые рациональные аргументы, скорее всего, будут отвергнуты оппонировавшей стороной).

2. Критически переосмыслить и реалистически истолковать понятие «электоральное вмешательство» для того, чтобы очертить допустимые границы его использования в сфере политической науки и публицистики (полагая, что указанный путь в наибольшей степени отвечает национально-государственным интересам Российской Федерации).

Выбрав для себя строгий, научный подход к решению указанной выше проблемы, целесообразно задаться рядом концептуальных вопросов. Во-первых, что следует понимать под «вмешательством в выборы»? Во-вторых, реальна или мнима подобная угроза? В-третьих, уместно ли использовать

понятие «вмешательство» по отношению к рассматриваемому явлению? В английском общественно-политическом лексиконе единицы «meddling», «interference» и «intervention», как правило, обозначают нарочито грубое, бесцеремонное вмешательство во внутренние дела тех или иных социальных групп, организаций, стран (при этом они несколько разнятся по эмоциональному оттенку и сфере использования). Однако в подавляющем большинстве современных работ перечисленные явления неоправданно отождествляются с понятием «зарубежное влияние», т.е. с так называемой «мягкой силой». Мы же исходим из того, что всякое зарубежное вмешательство во внутривнутриполитическую жизнь суверенных государств представляет собой не что иное, как силовое навязывание такого образа действий, который совершенно неприемлем или невыгоден для последних. Исходя из этой логики, подлинное «вмешательство в выборы» может быть реализовано только двумя путями:

- 1) посредством принуждения избирателя к голосованию за определенных кандидатов и партии (в данном случае ставится под удар сама свобода выбора);
- 2) при помощи масштабной фальсификации итогов голосования.

Первый сценарий реализуется не столько благодаря применению разного рода политико-манипулятивных технологий, сколько за счет оказания силового давления на избирателей методом откровенного шантажа (вплоть до угрозы физической расправой). Заметим, что подобная интервенция не может быть проигнорирована правозащитниками, иностранными наблюдателями, экспертным сообществом, СМИ, патриотическими движениями и, наконец, специальными службами, отвечающими за обеспечение национальной безопасности. Что касается фальсификации результатов народного волеизъявления, то ее осуществление извне не представляется возможным без установления тотального иностранного контроля над избирательными комиссиями всех уровней либо хакерского взлома системы электронного учета голосов (например, ГАС «Выборы»). Оба описанных нами сценария лежат в плоскости конспирологии и не могут быть реализованы на практике.

В свете сделанных выводов возникает объективная потребность в научном переосмыслении обвинений, выдвинутых США в адрес России после победы Д. Трампа на президентских выборах в 2016 г. Для этого необходимо беспристрастно проанализировать «факты», зафиксированные в докладе The Director of National Intelligence (Агентство национальной разведки США) «Об оценке деятельности и целей России в период недавно состоявшихся выборов» [4]. Авторы доклада приписывают Российской Федерации следующие деяния:

1. Многочисленные кибератаки на политические и некоммерческие организации США. В данном контексте речь идет о якобы совершенном Россией взломе электронной почты Х. Клинтон и других лидеров Демократической партии.
2. Похищение и размещение в сети Интернет сведений о гражданах США (политиках, чиновниках, известных спортсменах, журналистах и т.д.) на сайтах WikiLeaks и DCLeaks.com.
3. Неоднократные попытки дистанционного взлома региональных и федеральных систем электронного подсчета голосов.
4. Использование СМИ и сетевых ресурсов (Russia Today, Sputnik, YouTube, Facebook и т.д.) в целях создания благоприятного имиджа Д. Трампа.

Серьезность, с которой американские СМИ, политики и спецслужбы относятся к приведенному документу, заставляет оценить степень правдоподобности сформулированных в нем претензий и обвинений. Во-первых, даже если во время президентской кампании США 2016 г. электронные ресурсы, аккумулирующие голоса избирателей, подвергались хакерским атакам извне, то это абсолютно никак не сказалось на эффективности их функционирования. Так, экс-директор ФБР Д. Коми, выступая перед американскими парламентариями, отметил, что, несмотря на попытки хакерского взлома, в день выборов все электронные системы работали без перебоев [5]. Кроме того, в докладе Национальной разведки не содержится прямых доказательств сотрудничества между политическим руководством России и установленными хакерами. Во-вторых, сведения, похищенные в результате взлома электронной почты Х. Клинтон и других лидеров Демократической партии, действительно определенным образом сказались на электоральных предпочтениях граждан. Однако у американской стороны так и не обнаружилось фактов, указывающих на причастность российских спецслужб к их противозаконному получению и обнародованию. Кроме того, сам факт использования незащищенных почтовых серверов для обсуждения государственных дел свидетельствует о безответственности и низком уровне профессионализма ряда политиков. В-третьих, недостаточно внятно просматривается взаимосвязь между похищением личных данных жителей США и «электоральным вмешательством». Необходимо было бы прояснить, каким образом эти действия, совершенные анонимными интернет-преступниками, повлияли на результат голосования. Впрочем, агентство The Director of National Intelligence, будучи «фабрикой мысли», имеет право выдвигать определенные гипотезы, состоятельность которых должны оценивать судебные органы. Те же, в свою очередь, занимают куда более сдержанную позицию по данному вопросу.

Однако самая слабая сторона обвинений, озвученных американской разведкой, заключается даже не в их нарочитой бездоказательности, а в отсутствии прямой взаимообусловленности между вменяемыми России деяниями и результатами волеизъявления американских граждан. В сущности, даже гипотетическая причастность российских политиков и спецслужб к реализации информационно-пропагандистских кампаний на территории США не может рассматриваться как инструмент «электорального вмешательства». Силовое давление в отношении американских избирателей Москвой не применялось, а установленная законодательством процедура проведения выборов была соблюдена (этот факт признан как американскими, так и международными наблюдателями). Следовательно, говорить о «вмешательстве» России в президентские выборы 2016 г. невозможно. На этом фоне апогеем абсурда выглядит обвинение РФ в использовании сетевых ресурсов и СМИ для создания позитивного образа Д. Трампа и манипулирования сознанием рядовых американских граждан.

Для начала хотелось бы заметить, что Соединенные Штаты с первой половины XX в. и по сей день активнейшим образом применяют свои информационные ресурсы для формирования электоральных установок граждан зарубежных государств. Рассмотрение даже незначительной доли соответствующих примеров заставило бы нас отказаться от жанра научной статьи в пользу чрезвычайно объемной монографии. Достаточно скудные (по амери-

канским меркам) возможности российских каналов информационного вещания, ориентированных на иностранную аудиторию, вряд ли могли послужить главным фактором успеха Д. Трампа. При этом массированная «антитрамповская» кампания CNN, BBC и других западных СМИ, неприкрыто симпатизировавших кандидату от Демократической партии, никого не смутила. Однако самый главный вопрос, возникающий при изучении заявленной проблемы, на наш взгляд, должен быть сформулирован следующим образом: «Уместно ли отождествление информационно-коммуникационных технологий и практик с „электоральным вмешательством“ в принципе?»

Американский исследователь Д. Най, формулируя понятие «мягкая сила», подразумевал под ним достижение определенного результата на основе добровольного участия, тогда как «жесткая сила» предполагает грубое принуждение субъектов к определенному образу поведения [6]. Именно «жесткая сила», принимающая форму давления на личность, политического шантажа или хакерства, может отождествляться с нарочито грубым нарушением государственного суверенитета, т.е. «вмешательством» в полном смысле этого слова. Осознание данного обстоятельства видится нам чрезвычайно важным, поскольку обвинения Российской Федерации в использовании «жесткой силы» на президентских выборах США 2016 г. постепенно «рассыпаются» в судебных инстанциях, тогда как основные претензии американской стороны сводятся к применению Москвой законодательно не запрещенных инструментов управления массовым сознанием (средств мягкой агитации и пропаганды). Незаметная подмена понятия «влияние» на «вмешательство» или «вторжение» в данном случае может рассматриваться как характерный пример лингвистической манипуляции. Для представителей экспертного сообщества подобные языковые ухищрения выглядят неубедительно, чего нельзя сказать о массовой, обывательской аудитории. Следуя данной логике, можно было бы признать функционирование всех общественно-политических СМИ непрерывным «вмешательством» в сознание масс. Мы же предлагаем исходить из того, что информационно-мотивационное воздействие на аудиторию не является политической девиацией и не может отождествляться с преступной деятельностью (за исключением пропаганды ненависти, терроризма и других явлений, запрещенных уголовным законодательством). Тем не менее некоторые российские эксперты и публичные политики придерживаются иной точки зрения, воспроизводя агрессивную риторику западных коллег.

В феврале 2018 г. был обнародован доклад специальной комиссии верхней палаты Федерального Собрания по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ, который послужил своеобразным ответом на обвинения, выдвинутые американской стороной. Пятый раздел данного Доклада «Особенности внешнего вмешательства с использованием зарубежных СМИ и органов государственной пропаганды» содержит указание на то, что со времен Холодной войны США и их сателлиты постоянно применяют информационно-коммуникационные технологии «грубого вмешательства в дела суверенных государств, не желающих следовать в вашингтонском фарватере» [7]. Далее перечисляются государственные и околосударственные структуры, осуществляющие подобную деятельность, после чего авторы доклада резюмируют: «В диалоге с антироссийскими прозападными силами их пропагандисты и агитаторы вы-

нуждают нас вести дискуссию в рамках чужого смыслового пространства, западных ценностных систем». Данный тезис подкрепляется цитатами из работ П. Дж. Бьюкенена и Г. Шиллера.

Безусловно, политика обеспечения культурно-информационной гегемонии США на мировой арене носит комплексный, системный и вполне осознанный характер. Однако инструменты и технологии, применяемые американским правительством в рамках данного направления, не выходят за рамки современного понимания «мягкой силы» (*soft power*). Таким образом, нами может быть констатировано не столько «грубое вмешательство» или «принуждение» (о которых идет речь в докладе специальной комиссии Совета Федерации), сколько *влияние*. Допустимые инструменты и каналы подобного влияния определены законом. Так, Министерство юстиции формирует перечень средств массовой информации и некоммерческих организаций, выполняющих в России функции иностранных агентов и являющихся нежелательными с точки зрения ее национально-государственных интересов. При этом НКО, финансируемые из-за рубежа, не имеют права вмешиваться в политические процессы. Разумеется, существует некая вероятность иностранного вмешательства в российские выборы при помощи хакерских атак на электронные ресурсы избирательных комиссий, шантажа кандидатов и наблюдателей, принуждения избирателей к совершению тех или иных действий. Однако следует признать, что российские силовые структуры и органы правопорядка обладают достаточным потенциалом для немедленного купирования подобных угроз.

Неоправданное сращивание понятий «влияние» и «вмешательство» не только способствует внесению семантической неопределенности в научные тексты, но и косвенно провоцирует хаос в системе международных отношений. Радикализация внешнеполитического дискурса, проявляющаяся в нарочитом игнорировании правил дипломатического этикета и растущей безответственности высокопоставленных лиц, представляет собой одну из главных угроз для глобальной безопасности. Ввиду недопустимости прямого военного столкновения между ядерными державами субъекты глобального противоборства позволяют себе безнаказанно совершать агрессивные информационные выпады в отношении друг друга. Следуя строгой научной логике, обвинения в «электоральном вмешательстве» следовало бы отождествить с признанием акта внешней агрессии в адрес суверенного государства (со всеми вытекающими последствиями). Страна, подвергшаяся подобной агрессии, имеет все основания не только для аннуляции результатов выборов, но и для принятия жестких дипломатических контрмер (вплоть до введения санкций и полного разрыва двусторонних отношений). Однако, как правило, обмен взаимными подозрениями и упреками не выходит за рамки публичной спекулятивной риторики и не завершается вынесением судебных вердиктов. Таким образом, постоянное педалирование темы о «вмешательстве в выборы» силовиками, политиками и представителями СМИ можно расценивать как тактический прием ведения информационной войны. Подобная практика согласуется с общей тенденцией к «шоуизации» и гибридизации современных политических процессов [8, 9].

С большой долей вероятности можно утверждать, что обвинения иностранных государств в «электоральном вмешательстве» предназначены не

столько для внешней (зарубежной), сколько для внутренней аудитории. В частности, они могут быть использованы для решения ряда задач.

1. *Подрыв легитимности институтов власти и снижение уровня доверия граждан к конкретным политическим лидерам.* Настоящий пример мы находим в США, где «российская карта» активно разыгрывается парламентской оппозицией и специальными службами для оказания информационного давления на Д. Трампа.

2. *Дискредитация образа оппозиции.* Обвинение оппозиционеров в обслуживании интересов зарубежных спонсоров, спецслужб и правительств наносит ощутимый урон имиджу соответствующих кандидатов и партий. Наиболее сильный резонанс подобные инсинуации могут вызвать в период обострения международной конфронтации.

3. *Повышение политической лояльности масс.* Искусное манипулирование образом врага, угрожающего суверенитету института выборов из-за рубежа, может опосредованно способствовать консолидации граждан вокруг определенных политических сил (в том числе вокруг действующего политического руководства). Кроме того, данный прием зарекомендовал себя как эффективное средство для отвлечения общественного внимания от реальных социально-экономических вызовов и проблем.

4. *Саботирование результатов всенародного голосования.* В рамках подготовки к совершению государственного переворота «иностранное вмешательство» может быть преподнесено как предлог для аннуляции результатов парламентских или президентских выборов. Как правило, далее в ультимативной форме выдвигаются требования о пересчете голосов или проведении повторного голосования, результаты которого зачастую радикально отличаются от первоначальных. Данная тактика неоднократно применялась организаторами «цветных революций».

Настоящая статья ставит под сомнение правомерность использования формулировок «вмешательство в выборы» и «электоральное вмешательство» в научном дискурсе. Главным основанием для скепсиса в данном случае служит семантическая нетождественность понятий «вмешательство» и «влияние». Первое обозначает силовую форму давления на избирательную систему, а второе символизирует мягкое информационно-мотивационное воздействие иностранных субъектов на поведенческие установки и электоральные предпочтения граждан зарубежных государств. Реализация подобной деятельности при помощи СМИ и ресурсов сети Интернет формально не может быть квалифицирована как «вмешательство в выборы». Соответственно, обвинения, выдвигаемые американской стороной в адрес нашей страны, как и ответные выпады некоторых российских политиков и экспертов, теряют всяческий смысл. Таким образом, неизбежно назревает отказ от парадигмы «электорального вмешательства» в пользу признания неизбежности полисубъектного взаимовлияния акторов в сфере внешней и внутренней политики (данное влияние распространяется и на институт выборов). Лидеры мнений, СМИ, НКО, блогеры и «фабрики мысли», соблюдающие требования национального и международного законодательства, имеют как правовые, так и моральные основания использовать инструменты «мягкой силы» для реализации своих геополитических интересов. В конкурентном соперничестве идей решающую роль играет творческий потенциал их трансляторов и ретрансляторов.

Литература

1. Mann S. Chaos theory and strategic thought // Parameters (US Army War College Quarterly). 1992. Vol. 22. P. 54–68.
2. Sharp J. From Dictatorship to Democracy. London : Serpent's Tail., 2012.
3. Обама заявил о «разорванной в клочья» экономике России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2015/54bf30459a794751070ca81f> (дата обращения: 05.01.2019).
4. Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution. URL: https://www.burr.senate.gov/imo/media/doc/SSCI%20ICA%20ASSESSMENT_FINALJULY3.pdf (accessed: 05.01.2019).
5. FBI: Hackers 'poking around' US voter systems. URL: <https://newsok.com/article/feed/1083436/fbi-hackers-poking-around-us-voter-systems>: (accessed: 05.01.2019).
6. Nye J. Soft Power: The Means To Success In World Politics. New York : Public Affairs, 2004.
7. Доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации за 2018 г. URL: <http://council.gov.ru> (дата обращения: 05.01.2019).
8. Гришин О.Е., Митрофанова А.Д. Политическое шоу как технология коммуникации // PolitBook. 2015. № 3. С. 117–133.
9. Манойло А.В. Феномен Трампа и гибридизация мировой политики // Русская политология. 2017. № 1. С. 30–41.

Pavel Ya. Feldman, Academy of Labour and Social Relations (Moscow, Russian Federation).

E-mail: pavelfeld@mail.ru

Aleksey V. Fedyakin, Russian University of Transport (Moscow, Russian Federation).

E-mail: avf2010@yandex.ru

Dmitriy A. Ezhov, Financial University Under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: president@lenta.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 210–218.

DOI: 10.17223/1998863X/50/18

THE TECHNOLOGIES OF ELECTION INTERFERENCE: SCIENTIFIC UNDERSTANDING IN SEARCH OF SEMANTIC CERTAINTY

Keywords: “soft power”; elections; election interference; meddling in election; influence on election; electoral behavior.

This article is an attempt to achieve semantic certainty regarding such concepts as “electoral interference” (“interference with elections”) and “influence on electoral processes”. The urgency of this problem is determined by the intensification of global confrontation and the hybridization of technologies used by leading world countries in their competitive battle. One of the methods of information warfare actively used by Western countries is the public censure of their geopolitical competitors for the alleged acts of meddling in elections. The most obvious example of using this tactic is the case of the so-called Russian interference in the 2016 United States presidential elections. After analyzing the claims of the American side, the authors of the article come to the conclusion that they are biased, factually untenable and illogical. They also propose to determine the appropriateness of equating external information impact on the electoral preferences of citizens to foreign intervention. The article notes that one can genuinely “interfere with elections” only by making people vote for certain candidates and parties, or by using a crude falsification of the voting results. The implementation of external electoral intervention is not likely because such aggression cannot be ignored by human rights activists, foreign observers, the expert community, the media and, finally, special services responsible for ensuring national security. Thus, phenomena mistakenly taken or deliberately disguised as interference with elections (“hard power”) represent the use of “soft power”. The authors of the article insist on the semantic non-identity of the concepts “interference” and “influence”. The former denotes power pressure on the electoral system, and the latter symbolizes the soft informational and motivational influence of foreign subjects on the behavioral attitudes and electoral preferences of citizens. The implementation of such activities with the help of mass media and Internet resources cannot formally be qualified as “interference with elections” and does not need an apology. Consequently, it is necessary to abandon the paradigm of “electoral interference” in favor of recognizing the inevitability of a polysubject interaction of actors in the sphere of foreign and domestic policy (this influence extends to the

institution of elections). Awareness of this circumstance makes leading global players' mutual accusations of their interference with electoral processes senseless.

References

1. Mann, S. (1992) Chaos theory and strategic thought. *Parameters (US Army War College Quarterly)*. 22. pp. 54–68.
2. Sharp, J. (2012) *From Dictatorship to Democracy*. London: Serpent's Tail.
3. RBC.ru. (2015) *Obama zayavil o "razorvannoy v kloch'ya" ekonomike Rossii* [Obama claimed about Russian economy "torn to pieces"]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2015/54bf30459a794751070ca81f> (Accessed: 5th January 2019).
4. US Government. (n.d.) *Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution*. [Online] Available from: https://www.burr.senate.gov/imo/media/doc/SSCI%20ICA%20ASSESSMENT_FINALJULY3.pdf (Accessed: 5th January 2019).
5. Kopan, T. (2016) *FBI: Hackers 'poking around' US voter systems*. [Online] Available from: <https://newsok.com/article/feed/1083436/fbi-hackers-poking-around-us-voter-systems> (Accessed: 5th January 2019).
6. Nye, J. (2004) *Soft Power: The Means To Success In World Politics*. New York: Public Affairs.
7. The Federation Council of the Russian Federation. (n.d.) *Report of the Interim Commission of the Federation Council for the Protection of State Sovereignty and Prevention of Interference in the Internal Affairs of the Russian Federation for 2018*. [Online] Available from: <http://council.gov.ru> (Accessed: 5th January 2019). (In Russian).
8. Grishin, O.E. & Mitrofanova, A.D. (2015) Politicheskoe shou kak tekhnologiya kommunikatsii [Political show as a communication technology]. *PolitBook*. 3. pp. 117–133.
9. Manoilo, A.V. (2017) Fenomen Trampa i gibrizatsiya mirovoy politiki [The Trump Phenomenon and the Hybridization of World Politics]. *Russkaya politologiya – Russian Political Science*. 1. pp. 30–41.